

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-181-198>

<https://elibrary.ru/HKXHQY>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0
(CC BY-NC-ND)

© 2023 г. Б.Н. Борисов

ПЛАТОНОВСКАЯ ГЕРОИНЯ НА RENDEZ-VOUS (НА МАТЕРИАЛЕ «ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНА» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА)

Аннотация: Празднование 100-летнего юбилея Н.Г. Чернышевского в 1928 г. вызвало волну интереса к литературному наследию писателя и стало поводом для осмысления новой социально-гендерной роли женщины в парадигме идей 1860-х гг. Итогом разработки этой темы в творчестве А.П. Платонова стал «Технический роман», главная героиня которого сочетает в себе черты женских литературных типов и тем самым воплощает собирательный образ героини русского романа, противопоставленный писателем социально-гендерной модели начала 1920-х гг. Повествование о девушке опирается на устоявшуюся в литературе сюжетно-фабульную модель «русский человек на rendez-vous», которая комбинируется с не менее популярным сюжетом спасения «падшей» женщины. В статье дается интертекстуальный анализ выявленных сюжетных схем, определяются круг прецедентных текстов и их художественная роль в смысловом строе произведения. Прослеживаемая в романе стратегия семантических сдвигов в использовании канонических сюжетных ходов и ситуаций создает особый художественный эффект, заключающийся в развенчании модели жизнестроения, образец которой был дан в романе Чернышевского «Что делать?».

Ключевые слова: «Технический роман», А.П. Платонов, интертекст, «русский человек на rendez-vous», Н.Г. Чернышевский.

Информация об авторе: Борис Николаевич Борисов — кандидат филологических наук, доцент, Московский международный университет, Ленинградский пр., д. 17, 125040 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4523-8755>

E-mail: borisovmiit@yandex.ru

Для цитирования: *Борисов Б.Н.* Платоновская героиня на rendez-vous (на материале «Технического романа» Андрея Платонова) // Феминность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье / отв. ред. В.Б. Зусева-Озкан. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 181–198.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-181-198>

© 2023. Boris N. Borisov

PLATONOV'S HEROINE ON RENDEZ-VOUS (BASED ON THE MATERIAL OF THE *TECHNICAL NOVEL* BY ANDREY PLATONOV)

Abstract: The celebration of the 100th anniversary of N. Chernyshevsky in 1928 caused a wave of interest in the writer's literary heritage. It became an occasion for thinking about the new socio-gender role of women in the paradigm of ideas of the 1860s. The result of the development of this theme in the work of A. Platonov became *Technical Novel*, the main heroine of which combines the features of female literary types and thus embodies the collective image of the heroine of the Russian novel, opposed by the writer to the socio-gender model of the early 1920s. The heroine's story is based on the well-established in the literature plot model "Russian person on rendez-vous", which is combined with the equally popular plot of rescue of the "fallen" woman. The article provides the intertextual analysis of the revealed plot models, determines the range of precedent texts and their role in the semantic structure of the work. The strategy of semantic shifts in the use of canonical plot moves and situations traced in the novel creates a special artistic effect, consisting in the debunking of the model of life-building, an example of which was given in Chernyshevsky's novel *What to Do?*

Keywords: *Technical Novel*, A. Platonov, intertext, "Russian person on rendez-vous", N. Chernyshevsky.

Information about the author: Boris N. Borisov, PhD in Philology, Associate Professor, Moscow International University, Leningradsky ave., 17, 125040 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4523-8755>

E-mail: borisovmiit@yandex.ru

For citation: Borisov, B.N. "Platonov's Heroine on Rendez-Vous (Based on the *Technical Novel* by Andrey Platonov)." *Femininity and Masculinity in the Modernist Culture: Russia and Abroad*. Ex. ed. Veronika B. Zuseva-Özkan. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 181–198. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-181-198>

В 1928 г. в СССР широко отмечалось столетие со дня рождения Н.Г. Чернышевского; учреждались комиссии по празднованию юбилея любимого писателя В.И. Ленина; программные доклады проходивших на протяжении года заседаний и конференций публиковались в центральной печати. Идеологически востребованным было не только публицистическое наследие Чернышевского, но и его литературный труд. Так, выступая с докладом на торжественном заседании в Большом театре 26 ноября 1928 г., А.В. Луначарский подчеркивал особое значение романа «Что делать?» в воспитании молодого поколения. Ссылаясь на статью Д.Б. Рязанова «Маркс и Энгельс о браке и семье»¹, он указывал, что в вопросе взаимоотношений полов представления Чернышевского обнаруживают сходство с марксистскими позициями, и основывал на этом центральный тезис доклада: «Так как у нас дрогнуло представление о семье и половой вопрос часто чрезвычайно роковым образом портит жизнь людям, особенно молодым, я считаю, что читать Чернышевского в высокой степени полезно каждому, вступающему сейчас в жизнь» [Луначарский, 1928, с. 6].

Присутствие Чернышевского в широком социально-общественном дискурсе конца 1920-х гг. создавало основу для осмысления «женского вопроса» сквозь призму идей 1860-х, в парадигме истории борьбы за права женщин.

Итоги этой борьбы, приведшей к изменению социальной роли женщины и становлению новой системы семейно-брачных отношений, явились предметом изображения и глубокого анализа в целом ряде произведений Андрея Платонова конца 1920-х – середины 1930-х гг.: «Чевенгур» (1926–1928), «Песчаная учительница» (1927), «Дураки на периферии» (1928), «Технический ро-

¹ В основу статьи был положен доклад 1926 г., прочитанный Д.Б. Рязановым во ВЦИК в связи с обсуждением нового проекта закона о браке и семье.

ман» (дат. 1930–1931 гг.), «Ювенильное море» (дат. 1932 г.), «14 Красных избушек» (1933), «Счастливая Москва» (1933–1936).

Позиция Платонова по «женскому вопросу» не совпадает ни с идеями борцов за свободную любовь и раскрепощение женщин, ни с официальным мифом о советском материнстве и детстве [Чернышева]. Совершенно очевидно, что в происходивших изменениях Платонов видел не созидательное, а разрушительное начало: в своих произведениях он показывает, как в общественном сознании формируется отрицание традиционной ценности семьи, дискредитируется «романтическая» любовь, уничтожается сам идеал женственности. Достаточно вспомнить образ Клавдюши из романа «Чевенгур», товарищески утешавшей одиноких коммунистов и поэтому названной «сырьем общей радости» [Платонов, 2011, с. 252].

Нельзя не согласиться с Х. Гюнтером, указавшим на двойственность этого образа [Гюнтер, с. 142], обусловленную, однако, не только заключенной в нем символической дихотомией², но и двусмысленностью того положения, в котором оказались в первые годы революции «освобожденные от семейного гнета» женщины³. Платонов тонко пародирует риторику борцов за свободную любовь между товарищами, вкладывая в уста одного из чевенгурских революционеров определение женщины как «товарища специального устройства» («люди с пустотой, поместиться есть где») [Платонов, 2011, с. 386, 388]. Критика утилитарно-потребительского отношения к женщине присутствует и в неоконченном «Техническом романе»⁴, время действия которого отнесено к 1920 г., когда борьба за женскую эмансипацию переживала новый подъем.

Хотя работа над текстом и была приурочена к десятилетию принятия плана ГОЭЛРО, содержание произведения вышло далеко за рамки темы электрификации. В романе присутствуют два сюжетных плана. Первый, в дальнейшем ставший основой для рассказа «Родина элек-

² По мнению Х. Гюнтера, образ Клавдюши, которая является и любовницей, и существом возвышенным, заключает в себе признаки и духовной, и чувственной ипостасей и тем самым напоминает хлыстовскую богородицу [Гюнтер, с. 142].

³ На бесправное положение женщин вне системы длительного парного брака указывал А.В. Луначарский в докладе 1926 г., говоря о популярной тогда теории «стакана воды» как отражающей «грубую эксплуататорскую, пошлую мужскую точку зрения» [Луначарский, 1927].

⁴ В платоноведении принято и другое именование данного текста — повесть «Хлеб и чтение». Как указывает Н.В. Корниенко, Платонов готовил одновременно две версии одного текста — как первой части романа и как самостоятельной повести [Корниенко, 2000, с. 742].

тричества» [Корниенко, 2000, с. 739–742], состоит в строительстве электростанции в селе Верчовке. В центре второго, любовно-романтического, находится фигура главной героини Лиды Вежличевой — дочери сельского батрака, но при этом девицы артистической и нигде в романе не изображенной за деревенским трудом.

Вопреки установке Ленина на привлечение женщин к «поголовной общественной службе» [Ленин, с. 165], Платонов раскрывает образ героини не в ее производственной или общественной деятельности, а исключительно в рамках любовно-романтической линии повествования⁵. В нарративную ткань романа он вплетает мотивы любовного треугольника и измены, сцены вечеринок и ночных свиданий, а также различные топосы литературы сентиментально-романтического направления (картина кладбища лунной ночью, старинный склеп, прощальное письмо, сабля с бриллиантами, тюремная башня, в которой «томится» главная героиня). Все эти клише любовного сюжета призваны маркировать интертекстуальность романа, в котором разработка женской темы происходила в диалоге с русской прозой XIX в.

Создание образа главной героини «Технического романа» основано на переработке классических литературных матриц. В своем развитии характер героини проходит разные этапы, обнаруживая в себе воплощение то одного, то другого женского типа — от чувствительных уездных барышень до героини «нового мира». Обращение Платонова к литературным прототипам обуславливает присутствие в произведении соответствующих сюжетных схем и фабульных ходов.

В начале романа в портрете «бедной Лиды» проступают черты карамзинской девушки: она необыкновенно красива, мечтательна, по-детски непосредственна в своих чувствах. Еще более значимым является пушкинский код, с помощью которого главная героиня маркируется как воплощение архетипа блудной дочери и в повествовании актуализируется сюжетная схема побега из родительского дома.

⁵ Показательно в этом отношении сочетание производственного и любовного сюжетов в пьесе Платонова «Высокое напряжение» (1931–1932), написанной примерно в то же время. Как отмечает Д.С. Московская, образ героини-труженицы, инженера Крашениной, «был данью времени — на острие социального заказа» [Московская, с. 229], что обусловило ее изображение в рамках производственного сюжета. Но связанный с героиней любовный сюжет имеет в пьесе большее значение, поскольку сообщает событиям поистине трагическое, экзистенциально-высокое звучание [Московская, с. 229].

Героине Платонова присущи и черты некрасовских сильных женщин, готовых на самопожертвование. Показателен в этом отношении эпизод на кладбище: Лида шесть раз окровавленными руками вытаскивала на веревке Душина и его помощника Жаренова (как сказано в романе, громадного парня) из склепа, куда приятели спустились в поисках золотой сабли.

В отдельных эпизодах, посвященных вечерам в квартире Стронкиных, где собиралось молодое веселое общество, Лида предстает и в образе эмансипированной девицы. Вместе со своей новой подругой, молодой хозяйкой дома, Лида переодевалась в мужские штаны и пела под гитару старинные романсы. В собирательном образе освободившейся от предрассудков женщины, который создается в «Техническом романе» описанием двух похожих героинь, присутствуют такие детали, как неопрятность, излишняя вольность в поведении, пренебрежение общепринятыми правилами, в том числе в отношениях с мужчинами. Так, наедине со Щегловым Лида, отрицая свой долг верности мужу, говорит: «Я есть не животное такое, чтоб жить всю жизнь в одной загородке» [Платонов, 2000, с. 915].

Изображение Платоновым женщины «передовых взглядов» явно содержит в себе тургеневский код и отсылает к портрету «эмансипе» Кукшиной («Отцы и дети», 1860), в котором доминирующим становится мотив неопрятности, небрежности: запыленные столы в комнате, разбросанные повсюду окурки сигарет; хозяйка дома встречает гостей, полулежа на диване, «несколько растрепанная, в шелковом, не совсем опрятном, платье» [Тургенев, с. 62]. Тот же мотив беспорядка проходит через все описание вечеров у Стронкиных. Он репрезентируется в целом ряде деталей: растрепанные волосы хозяйки; небрежно, вместе с попутным сором приготовленное угощение; мусор, хлам и пыльный воздух на чердаке, где Лида уединялась с мужчинами; череда сменяющих друг друга кавалеров; суета звуков мелодии.

Тургеневский след просматривается и в моделировании Платоновым фабульной ситуации вечеров у Стронкиных, построенной на использовании таких мотивов, как визит голодных гостей-мужчин, взбалмошность хозяйки, угощение и вино, фривольное исполнение романсов; отметим также фигуру прислуживающей за столом женщины (у Тургенева — «не то служанка, не то компаньонка в чепце» [Тургенев, с. 62]; у Платонова — «старая кухарка-приживалка с лицом врага рода человеческого» [Платонов, 2000, с. 911]).

Вместе с тем Лиду и «хозяйку-растрепку» [Платонов, 2000, с. 915] Стронкину от тургеневской «эмансипе» отличает одна важная осо-

бенность: платоновские героини не рассуждают на общественные темы и, вероятно, потому не лишены авторской симпатии — в обеих девушках подчеркиваются необыкновенная женственность, живость и очарование, что особенно заметно при описании их пения.

Возникающие при этом цыганские мотивы (черные волосы героинь, их пение, пляски, прямое сравнение хозяйки с цыганкой («пела хрипло и великолепно, как цыганка» [Платонов, 2000, с. 911]), упоминание романса «Черная шаль»⁶) отсылают не только к иному типу тургеневской героини — черноволосой дикарке, завораживающей своим пением героев-мужчин в рассказах «Чертопханов и Недопюскин» (1849), «История лейтенанта Ергунова» (1868), но и в целом к цыганскому «вакхическому» мифу, пронизывающему русскую литературу XIX в. и рубежа XIX–XX вв. [Мароши]. Мотивы и образы песен⁷, которые не просто поет, а глубоко переживает героиня Платоно-

⁶ Как известно, стихотворение «Черная шаль» (1820), первоначально озаглавленное «Молдавская песня», написано А.С. Пушкиным по мотивам широко известной тогда молдавской народной песни во время его путешествия в Бессарабию. И хотя этот текст не имеет непосредственного отношения к цыганской культуре, под влиянием пушкинского творчества, в том числе поэмы «Цыгане» и упоминания о Молдавии в 8-й главе «Евгения Онегина» («В глуши Молдавии печальной / Она смиренные шатры / Племен бродящих посещала... [Пушкин, с. 157]), Молдавия в читательском сознании стала ассоциироваться с цыганами. Вероятно, этим объясняется использование Платоновым романса «Черная шаль» в числе прочих цыганских мотивов.

⁷ Помимо отсылки к стихотворению А.С. Пушкина «Черная шаль» («...спела песню, начинавшуюся словами: “Когда легковерен и молод я был, младую гречанку я страстно полюбил <sic>...”» [Платонов, 2000, с. 913]), в текст романа включено два четверостишия песни, которая по своим жанровым признакам является «жестоким» романсом. Авторство ее, по всей видимости, принадлежит Платонову:

Луна взошла, все тихо стало
Ольшанск весь спит в тиши ночной,
А в одиночке номер первый
Сидит преступник молодой...

Я ведь московского рожденья,
Китайгородского села,
И я приехал к вам, девчонки,
Добыть монету без труда... [Платонов, 2000, с. 912].

Несмотря на отсутствие в этом тексте явной «цыганской тематики», он в силу своих жанровых особенностей все же вписывается в круг цыганских мотивов романа. Жанр «жестокого» романса, как указывает Б.А. Ягубов, генетически восходит к «цыганскому» романсу. Кроме того, оба жанра сближает принцип исполнения произведений — с характерными для него выкриками, тональностью, фиоритурами [Ягубов, с. 215].

ва, насыщают экспрессией и обогащают фабулу романа, привнося в него элементы классического цыганского сюжета, в числе которых В.В. Мароши называет потерю возлюбленного, «роковые страсти», «пламенную любовь», песню, тоску, страдание, слезы, «черные глаза», лунный пейзаж [Мароши, с. 62, 64].

Апелляция Платонова к цыганскому мифу, очевидно, определяется присутствием в романе значительного числа пушкинских реминисценций, но при этом, как нам кажется, имеет осознанный характер. Неслучайно портрет героини создается писателем в полемике со сложившимся в литературе образом цыганки как воплощения не только свободы и безудержности, но и вакхического сладострастия: «Но лицо и тело ее (Лиды в момент исполнения ею романса. — Б.Б.) выражало такую кротость и такие неизгладимые черты ранней юности, что всякий почувствовал в ней обаяние, но не страсть порока» [Платонов, 2000, с. 913]. Нарратив настойчиво подчеркивает детскую наивность и непосредственность героини («<...> Лида стала целовать подругу с невинной страстью девочки <...>» [Платонов, 2000, с. 912]), выступающие главной движущей силой ее поступков.

Детской безотчетностью объясняется, к примеру, идейная незнательность Лиды, в частности полное равнодушие к строительству в родном селе электростанции, на которую ее муж Душин всеми правдами и неправдами собирает деньги: «А на шута мне теперь родина! — ответила Лида в сердечной обиде (Когда Душин отказал ей в деньгах на одежду. — Б.Б.). — Я кофту хочу! Я голодала на родине <...>» [Платонов, 2000, с. 920]. С той же безотчетностью героиня уходит из родительского дома, погружается в песенную стихию «роковых страстей», воспроизводит готовые, подсказанные временем или литературными ассоциациями модели поведения. Показательны в этом отношении не связанные с реальностью⁸ и имеющие налет литературности фразы, которые Лида произносит в первую ночь с Душиным («Давай убежим!» [Платонов, 2000, с. 896]) и во время своего знакомства с Щегловым:

⁸ Уход героини из дома отца, вопреки романтическим представлениям героини, подается как событие прозаичное и будничное. Поворотный момент в судьбе героини, который должен был разделить ее жизнь на «до» и «после», затушевывается массой незначительных бытовых подробностей, заполняющих все пространство эпизода, и лишается драматического накала: «Проснувшись, они увидели пустую избу. Отец ушел еще на рассвете работать на дворе зажиточного Болдырева, члена сельского совета потребительской кооперации. Они поцеловались, умылись и ушли из дома» [Платонов, 2000, с. 897].

— Ваш отец был доктором? — спросил Щеглов.

— Немножко... А потом он купил постоянный двор и винокуренный завод и мы были богатые, гусей ели за ужином... [Платонов, 2000, с. 907].

Подчеркнутая литературность сюжетных ситуаций, в которые включена героиня на протяжении повествования, достигается также использованием в сюжетном моделировании классических фабульных схем русской литературы XIX в.

Ключевую роль в «Техническом романе» играет модель описанного Л.П. Якимовой литературного сюжета «русский человек на rendez-vous», повествующего о бегстве героини из родительского дома под воздействием революционера или пропагандиста, который обычно оказывается человеком слабым и никчемным. Матрица этого сюжета складывается в 1860-е гг. под влиянием романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (характерно, что саму эту формулу предлагает именно Чернышевский, разбирая тургеневскую повесть «Ася») и представляет собой эмансипационную версию более раннего литературного сюжета о блудной дочери, присутствующего в повестях «Бедная Лиза» (1792) Н.М. Карамзина, «Станционный смотритель» и «Метель» (1830) А.С. Пушкина [Якимова, с. 9].

Фабульная схема, лежащая в основе сюжета «русский человек на rendez-vous», представлена в «Техническом романе» в следующем виде: знакомство героини с будущим мужем (при этом имеет место такая классическая деталь, как бедственное положение девушки в родительском доме); возникшее между молодыми людьми чувство; мечты героини о побеге; собственно побег из родительского дома (эти три элемента фабулы свернуты в романе в один эпизод); жизнь с мужем (на этом этапе развития сюжета рядом с героиней появляется приятель мужа, что провоцирует ситуацию любовного треугольника — также классический сюжетный ход); неудовлетворенность пошлыми отношениями с мужем; уход от мужа в общественную жизнь.

Каждый из фабульных элементов отмечен в романе семантическим сдвигом. Кроме того, модель сюжета «русский человек на rendez-vous» Платонов комбинирует с другими сюжетными схемами — «уходом героини в любовь»⁹ и «спасением падшей женщины».

⁹ Репрезентация в «Техническом романе» сюжетной схемы «уход героини в любовь» была рассмотрена нами в статье «Сюжет о блудной дочери в произведениях А.П. Платонова 1930-х гг.» [Борисов, с. 400–403].

В результате этого размывается сама структура литературного сюжета и возникает особый художественный эффект: воспетая революционными идеологами модель жизнестроения не выдерживает испытания самой жизнью и обнаруживает свою несостоятельность.

Первое появление платоновской героини сопровождается словесно-фабульное маркирование ее как невесты¹⁰. В момент знакомства Лиды с Душиным в ее дом один за другим вошли семь молодых людей с омертвевшими глазами, еле живые от слабости — женихи Лиды: «<...> для женитьбы у них не хватало силы в теле, и они ожидали чего-то, сторожа свою невесту и друг друга» [Платонов, 2000, с. 894]. В этой детали просматривается отсылка сразу к двум литературным текстам, ознаменовавшим ранний и поздний этапы исторического развития сюжета «русский человек на rendez-vous», — к роману Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) (образ «невесты своих женихов» присутствует в первом, втором и четвертом снах Веры Павловны) и к рассказу А.П. Чехова «Невеста»¹¹ (1903).

При знакомстве Душина с Лидой возникает классическая коллизия: вялому окружению невесты противопоставляется активный и деятельный пропагандист. Как таковой пропаганды Душин не ведет; обращенная к Лиде речь его немногословна, но во внутренних монологах героя, которые время от времени появляются в романе, прекрасное будущее рисуется в стилистике четвертого сна Веры Павловны и речей чеховского Саши («Невеста»):

Он знал способ учреждения повсеместного счастья — для всех мирных, трудящихся, соединенных людей: это — электричество; и слюна собиралась во рту Душина от предчувствия торжества, пользы и разума. Верстак сапожника, печь для варки металла, лампочка на столе научного вождя, теплая вода для ребенка, хлебный плуг, мчащийся поезд, орошение, цветущие яблочные сады — все должно производиться могуществом электричества, дрожащей силой мироздания, действующей под руками человека [Платонов, 2000, с. 910].

В первую же ночь, оставшись в доме отца Лиды, Душин овладел девушкой, не получая с ее стороны взаимного чувства, как, впро-

¹⁰ Образ невесты имеет свою предысторию в раннем творчестве Платонова. В качестве вариации вечно-женственной Души Мира [Семенова, с. 175] он появляется в «Рассказе о многих интересных вещах» (1923).

¹¹ По мнению Л.П. Якимовой, рассказ Чехова «Невеста» является заключительным актом в развитии сюжета «русский человек на rendez-vous» [Якимова, с. 9].

чем, и явного сопротивления. За «энтузиазмом первого свидания» [Чернышевский, с. 158] последовала полная растерянность героя, не знавшего, что дальше делать со своей «нечаянной невестой» [Платонов, 2000, с. 903]. Здесь Платонов завязывает узел еще одной, не менее значимой для русской литературы XIX в. коллизии, а в образе Душина, имеющего свои литературные корни, начинают проступать черты того типа «лучших людей», который описал Н.Г. Чернышевский в статье «Русский человек на rendez-vous» (1858).

Мизансцена этой коллизии в «Техническом романе» прямо воспроизводит ее описание в упомянутой статье. Душин «влюбляет» в себя героиню, и когда та, полностью доверившись своему избраннику, который, кажется, тоже любит ее, уходит с ним из родительского дома, — выясняется, что герой «совсем не то имел в виду» и что у него совершенно другие цели в жизни, а мысль «приняла в себя все, за что наш век называется веком благородных стремлений» [Чернышевский, с. 157], — доходящую до самоотречения заботу обо всем трудящемся человечестве¹². Уже скоро герой начинает тяготиться своей женой, ведь сердце его принадлежит костлявым старушкам и голодным детям. Демонстрируя полное пренебрежение к Лиде, он из малодушия не спешит расстаться с ней: ведь нужно как-то «ликвидировать в себе излишки тела, накапливающиеся в качестве любви, и спокойно сосредоточиться на серьезности жизни» [Платонов, 2000, с. 907]. Беда Лиды и причина всех ее напастей в том и заключается, что, в отличие от тургеневской Аси, она рассмотрела «дрянное бессилие характера в нашем Ромео» [Чернышевский, с. 160] уже слишком поздно, после своего ухода из родительского дома.

На этом этапе развития действия в повествование встраивается сюжет «спасение падшей женщины», не менее прочно вошедший в русскую литературу XIX и рубежа XIX–XX вв. — от Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского до А.П. Чехова, А.И. Куприна и Л.Н. Андреева.

Как в одном из трех сценариев спасения, описанных в рассказе Чехова «Припадок» (1888), Душин — что немаловажно, студент, подобно чеховскому герою, — не зная, как поступить с Лидой, принимает классическое решение — заняться воспитанием девушки,

¹² Подобные интенции героя, отрекающегося от личного счастья ради всеобщего блага, окрашиваются в романе авторской иронией: «Но Душин стал скуп на свое тело, он не хотел больше тратить себя на пустяки наслаждения и отстранил прочь эту Лиду Вежличеву. Слишком еще велика и страшна природа и могуч классовый враг империализма, чтобы губить себя и женщину в изнеможении...» [Платонов, 2000, с. 897].

т. е. «сделать из нее электрика слабых токов» [Платонов, 2000, с. 903]. Действуя как наставник, он дает Лиде деньги и указывает место, где она должна жить, дожидаясь его прихода. Далее следуют безуспешные попытки перевоспитать героиню посредством книг и учебы в совпартшколе.

По понятным причинам в «Техническом романе» отсутствуют такие характерные для данного сюжета топосы, как сбор денег для выкупа из дома терпимости (деньги Душин собирает, но для строительства электростанции) или швейная машинка. А вот взаимоотношения героя с подопечной развиваются по сценарию, описанному Куприным в истории спасения Любки из «двухрублевого» борделя Анны Марковны («Яма», ч. 1, 1909). Душин переживает тот же внутренний протест, что и герой повести «Яма» Лихонин, когда нарушает данное себе обещание и в очередной раз решается «истратить немного самого себя» на любовь с женщиной. Завершается история «спасения» у Платонова и Куприна схожим образом — скандалом и разрывом.

На протяжении всего повествования Лида терпит холодное и потребительское отношение к себе мужа, а в финале романа тема «погибшего создания» получает неожиданное развитие. Узнав о том, что жена продала предназначавшиеся для строительства электростанции бриллианты, «нажитые батрацкими безмолвными поколениями» [Платонов, 2000, с. 926], и купила себе наряд, Душин ночью прогоняет ее из дома. Но перед тем решает напоследок воспользоваться близостью красивой женщины, одетой к тому же в сексуальную шелковую юбку и золоченые туфли. О мотивах такого поступка весьма красноречиво говорят размышления героя: «Постой, сволочь, ты задаром не уйдешь!» [Платонов, 2000, с. 926], — в которых близость с женой возводится им в ранг свидания с проституткой, купленной на батрацкие бриллианты.

Последовавшая затем ситуация, подсказанная логикой развития сюжета о спасении падшей женщины, обычно заканчивавшегося возвращением девицы к прежним занятиям¹³, объективирует навязанное героине ампула. Незнакомые встречные мужчины обращались к Лиде с недвусмысленным вопросом: «Даешь?» Да и сама она уже готова была смириться со своей участью: «Стану веселой, гулящей, буду нахалкой, жульницей, истрачу себя поскорей — и по-

¹³ Т.И. Печерская в статье «Сюжет о падшей женщине в литературе 1840–1860-х годов: формирование и варианты» говорит о том, что в рамках данного сюжета описание счастливой семейной жизни в эпилоге не встречается [Печерская, с. 3745].

мру!» [Платонов, 2000, с. 927]. Подлинным спасением героини оказывается материнство: Лида решает жить ради будущего ребенка, которого уже носит под сердцем, и уезжает в Москву.

Дальнейшее действие в романе разворачивается без участия героини, но известие об отъезде определяет ностальгические интонации последней главы. Как следует из письма Лиды, присланного Щеглову, жизнь ее в Москве устроилась благополучно: она учится, живет в общежитии юных дарований Наркомпроса, уже видела Луначарского. Под крылом советского государства Лида наконец-то обретает счастье, которого не знала с Душиным: она обеспечена и пропитанием, и одеждой («Позавчерашний день дали новый костюм?!») [Платонов, 2000, с. 929]), окружена заботой («Здесь жить стало привычно, все нежничают, кормят по кусочку сыра в день, дают суп и рыбу, учење тоже одна прелесть...» [Платонов, 2000, с. 929]). Портрет героини при этом обретает новые типологические черты, соответствующие клишированному образу советской женщины, свободной от домашнего быта, по-товарищески, без кокетства общающейся с мужчинами.

Платонов трансформирует и типичный для сюжета «русский человек на rendez-vous» элемент ухода героини в общественную жизнь. Лида в финале романа не показана в активной общественной деятельности, она по-прежнему остается в положении женщины, нуждающейся в покровительстве мужа и нашедшей таковое рядом с новым маскулиным партнером, в роли которого выступает советское государство. Такой поворот в развитии известного литературного сюжета является новым, и он, как может показаться, входит в резонанс с официальным советским мифом о решении проклятого «женского вопроса». Однако авторская оценка здесь далеко не однозначна и не лежит на поверхности — она проступает в ряде художественных деталей, сопровождающих описание московской жизни героини.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что содержание письма передается в ракурсе восприятия Щеглова, единственного, кто по-настоящему любит Лиду и тоскует по ней. Восторженный тон письма, где каждое второе предложение заканчивается восклицательным знаком, составляет контраст с общей тональностью начала и финала последней главы романа и, в частности, с пейзажными зарисовками, в которых возникает тема смерти:

Сгоревшая еще летом трава теперь лежала вовсе мертвой, забывая холодными дождями, ветром и прочей непогодой осени. Угрюмые об-

лака неслись поверху, гонимые неслышной бурей, безлюдная охладевшая почва лежала вокруг. Лето давно прошло, все кончилось в природе громадным несчастьем [Платонов, 2000, с. 929].

Эмоционально насыщенное элегическое обрамление эпизода, включающего в себя текст письма, передает чувство безвозвратной утраты, переполняющее Щеглова, которому автор явно симпатизирует, что заставляет усомниться в жизнеутверждающей трактовке «брачного союза» героини с государством.

Использование в данном эпизоде чеховских реминисценций усиливает это сомнение. Текст частично пересказанного Щегловым письма Лиды («<...> что она все равно будет расточать и тратить что попало всю жизнь, ей ничего не жалко, — и уехала навсегда, до самой смерти» [Платонов, 2000, с. 929]) апеллирует к последней главе рассказа Чехова «Невеста», где также возникает мотив растраты, ставшей причиной полного краха (ср.: «громадного несчастья» [Платонов, 2000, с. 929]):

Так бывает, когда среди легкой, беззаботной жизни вдруг нагрянет ночью полиция, сделает обыск, и хозяин дома, окажется, растратил, подделал, — и прощай тогда навеки легкая, беззаботная жизнь! [Чехов, с. 299]

Как и героиня чеховского рассказа Надя Шумина, Лида прощает с городом и со своей прежней жизнью (мотив безвозвратного ухода присутствует в обоих текстах — ср.: «уехала навсегда, до самой смерти» [Платонов, 2000, с. 929] и «покинула город — как полагала, навсегда» [Чехов, с. 300]). Обе героини не испытывают сожаления, и все их мысли устремлены в будущее. Но, как и в чеховском рассказе «Невеста», позиция автора «Технического романа» основывается не на ценности светлого будущего, воплощенного у Платонова в образе блестящей, благополучной Москвы, где «езде электричество» [Платонов, 2000, с. 929], а на ценности печального прошлого, с которым связывается образ скучного провинциального города. Традиционное для русской литературы XIX в. противопоставление этих двух топов имеет ключевое значение и в творчестве Платонова [Корниенко, 2015, с. 42]. Тема Москвы появляется еще в первом разговоре Лиды с Щегловым, но развитие получает в последней главе, где решение Щеглова не ехать в Москву к Лиде, а остаться в Ольшанске преподносится как осознанный (ср.: «опомнился» [Платонов, 2000, с. 936]) нравственный выбор героя. В этом идейно-смысловом

контексте уход героини в новую жизнь, притом что он был вызван объективной необходимостью, — это не выход, а именно уход.

Таким образом, в «Техническом романе» Платонов проводит свою героиню по тому пути, каким прошла русская литература в разработке женской темы. Основные вехи его репрезентируются в тексте отсылками к таким литературным типам, как скучающая уездная барышня, мечтающая о любви и сбегаящая от родителя с кавалером; цыганка, воплощающая стихийную свободу чувств; эмансипированная девица; безуспешно «спасаемая» студентом падшая женщина. Использование комбинации известных русской литературе XIX в. сюжетных схем позволяет Платонову не только передать перипетии женской судьбы в истории одной героини, но и художественно осмыслить предлагаемый временем вариант устройства женщиной своего счастья — не в роли жены несостоявшегося героя-мужчины, а в новой социальной роли свободной (т. е. одинокой) женщины под крылом советской власти. Однозначного ответа на вопрос, действительно ли новая социальная роль разрешает все описанные в литературе коллизии и ведет героиню к счастью, в «Техническом романе» нет, и прежде всего потому, что произведение не окончено, а дальнейшая судьба Лиды Вежличевой неизвестна. Но к вопросу о возможности счастливой жизни, построенной на принципах советской гендерной модели, Платонов еще вернется в романе «Счастливая Москва» (1933–1936), главная героиня которого — в начале осовавиахимовка, общественница и труженица — в финале предстает искалеченной, уставшей женщиной, использованной и брошенной государством [Платонов, 2011, с. 93].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Изд-во политической лит., 1969. Т. 31. 670 с.
- Луначарский А.В. Доклад на торжественном вечере памяти Н.Г. Чернышевского в Большом театре 26 ноября 1928 г. // Правда. 1928. 27 ноября. С. 6.
- Луначарский А.В. О быте. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 81 с. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/articles/o-byte/?ysclid=lhlvxsjdbj235296157> (дата обращения: 12.05.2023).
- Платонов А.П. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы / сост., подгот. текста, коммент. Н.В. Корниенко. 2-е изд., стереотип. М.: Время, 2011. 624 с.

- Платонов А.П. Технический роман / публ. В. Гончарова и Н. Корниенко // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2000. Вып. 4. С. 885–936.
- Платонов А.П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть / под ред. Н.М. Малыгиной. М.: Время, 2011. 608 с.
- Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 4. С. 5–178.
- Рязанов Д. Маркс и Энгельс о браке и семье // Летописи марксизма (записки института К. Маркса и Ф. Энгельса). М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 13–35.
- Тургенев И.С. Отцы и дети // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 7. С. 7–188.
- Чернышевский Н.Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: ГИХЛ, 1950. Т. 5: Статьи 1858–1859 гг. С. 156–174.
- Чехов А.П. Невеста // Чехов А.П. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит, 1982. Т. 2. С. 290–300.

Исследования

- Борисов Б.Н. Сюжет о блудной дочери в произведениях А.П. Платонова 1930-х годов // Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890–1930-х годов / под ред. В.Б. Зусевой-Озкан. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 395–409.
- Гюнтер Х. По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 208 с.
- Дебюзер Л. Тайнопись в романе «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. Вып. 4. С. 630–639.
- Ипатова С.А. «Муравейник» в социальной прогностике Платонова и Достоевского // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. СПб.: МАИК «Наука / Интерпериодика», 2008. Кн. 4. С. 22–38.
- Корниенко Н.В. «Болдинская осень» А. Платонова: Тамбов в жизни и творчестве писателя // Гуманитарные науки. Литературная карта мира: год литературы. 2015. № 5. С. 35–44.
- Корниенко Н.В. От «Родины электричества» к «Техническому роману», и наоборот: метаморфозы текста Платонова 1930-х гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. Вып. 4. С. 739–744.
- Малыгина Н.М. Диалог Платонова с Достоевским // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. Вып. 4. С. 185–200.

- Мороши В.В. Цыганский «вакхический» миф в русской литературе XIX в. и неодионисийский миф Вяч. Иванова // *Культура и текст*. 2019. № 2 (37). С. 54–78.
- Московская Д.С. Мужчины и женщины в пьесе «Объявление о смерти» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2017. Вып. 8. С. 224–231.
- Печерская Т.И. Сюжет о падшей женщине в литературе 1840–1860-х годов: формирование и варианты // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. Вып. 12. С. 3739–3747.
- Семенова С.Г. Юродство проповеди: Метафизика и поэтика Андрея Платонова / сост., предисл. А.Г. Гачевой. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 624 с.
- Чернышева Е.Г. «Заготовка граждан впрок»: миф о советском материнстве и детстве в драматургии А.П. Платонова 1920–1930-х гг. // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 4. С. 1073–1090.
- Язубов Б.А. «Жестокий» романс и городская баллада: генезис и функционирование // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 3 (21). Ч. 1. С. 215–219.
- Якимова Л.П. Повесть А.П. Чехова «Невеста»: в диалоге с классикой // *Вестник Ульяновского государственного технического университета*. 2016. № 3. С. 9–18.

REFERENCES

- Borisov, B.N. “Siuzhet o bludnoi docheri v proizvedeniakh A.P. Platonova 1930-kh godov” [“The Plot of the Prodigal Daughter in the Works of A.P. Platonov of the 1930s”]. Zuseva-Özkan, V.B., editor. *Zhenshchina moderna: Gender v russkoi kul'ture 1890–1930-kh godov* [Modern Woman: Gender in Russian Culture of the 1890s–1930s]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2022, pp. 395–409. (In Russ.)
- Giunter, H. *Po obe storony ot utopii: Konteksty tvorchestva A. Platonova* [On Both Sides of Utopia: Contexts of A. Platonov's Creativity] Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2011. 208 p. (In Russ.)
- Debiuzer, L. “Tainopis' v romane ‘Schastlivaia Moskva.’” [“Secret Writing in the Novel ‘Happy Moscow.’”]. “Strana filosofov” *Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [“The Land of Philosophers” by Andrey Platonov: Problems of Creativity], issue 4. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000, pp. 630–639. (In Russ.)
- Ipatova, S.A. “‘Muraveinik’ v sotsial’noi prognostike Platonova i Dostoevskogo” [“‘Anthill’ in the Social Prognostics of Platonov and Dostoevsky”]. *Tvorchestvo Andreia Platonova: issledovaniia i materialy* [Creativity of Andrey Platonov: Research and Materials], vol. 4. St. Petersburg, MAIK “Nauka / Interperiodika” Publ., 2008, pp. 22–38. (In Russ.)

- Kornienko, N.V. “‘Boldinskaia osen’ A. Platonova: Tambov v zhizni i tvorchestve pisatel’ia” [“‘Andrey Platonov’s ‘Boldinskaya Autumn’: Tambov in the Life and Work of the Writer’”]. *The Humanities*, no. 5, 2015, pp. 35–44. (In Russ.)
- Kornienko, N.V. “Ot ‘Rodiny elektrichestva’ k ‘Tehnicheskomu romanu’, i obratno: metamorfozy teksta Platonova 1930-h gg.” [“From the ‘Homeland of Electricity’ to the ‘Technical Novel’, and Back: Metamorphoses of Platonov’s Text of the 1930s.”]. “*Strana filosofov*” *Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [“*The Land of Philosophers*” by *Andrey Platonov: Problems of Creativity*], issue 4. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000, pp. 739–744. (In Russ.)
- Malygina, N.M. “Dialog Platonova s Dostoevskim” [“Platonov’s Dialogue with Dostoevsky”]. “*Strana filosofov*” *Andreia Platonova: problemy tvorchestva*. [“*The Land of Philosophers*” by *Andrey Platonov: Problems of Creativity*], issue 4. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000, pp.185–200. (In Russ.)
- Maroshi, V.V. “Tsyganskii ‘vakhicheskii’ mif v russkoi literature XIX v. i neodionisiiskii mif Viach. Ivanova” [“Gypsy Bacchic Myth in Russian Literature of the 19th Century and Neo-dionisian Myth by Vyacheslav Ivanov”]. *Kul’tura i tekst*, no. 2 (37), 2019, pp. 54–78. (In Russ.)
- Moskovskaia, D.S. “Muzhchiny i zhenshchiny v p’ese ‘O’biavlenie o smerti’.” [“Men and Women in the Play ‘Death Announcement.’”]. “*Strana filosofov*” *Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [“*The Land of Philosophers*” by *Andrey Platonov: Problems of Creativity*], issue 8. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2017, pp. 224–231. (In Russ.)
- Pecherskaia, T.I. “Siuzhet o padshei zhenshchine v literature 1840–1860-h godov: formirovanie i variant” [“Plot on the Fallen Woman in the Literature of the 1840s–1860s: Formation and Variants”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 15, issue 12, 2022, pp. 3739–3747. (In Russ.)
- Semenova, S.G. *Iurodstvo propovedi: Metafizika i poetika Andreia Platonova* [The Foolishness of Preaching: Metaphysics and Poetics by *Andrey Platonov*], comp. A.G. Gacheva, Moscow, IWL RAS Publ., 2020. 624 p. (In Russ.)
- Chernysheva, E.G. “‘Zagotovka grazhdan vprok’: mif o sovetskom materinstve i detstve v dramaturgii A.P. Platonova 1920–1930-h gg.” [“‘Preparation of Citizens for the Future’: Myth of Soviet Motherhood and Childhood in A.P. Platonov’s Dramaturgy of the 1920s–1930s.”]. *Quaestio Rossica*, no. 4, vol. 5, 2017, pp. 1073–1090. (In Russ.)
- Iagubov, B.A. “‘Zhestokii’ romans i gorodskaia ballada: genesis i funktsionirovanie” [“‘Cruel’ Romance and Urban Ballad: Genesis and Functioning”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3 (21), vol. 1, 2013, pp. 215–219. (In Russ.)
- Iakimova, L.P. “Povest’ A.P. Chehova ‘Nevesta’: v dialoge s klassikoi” [“A.P. Chekhov’s Novel ‘The Bride’: in Dialogue with the Classics”]. *Vestnik Ul’ianovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 3, 2016, pp. 9–18. (In Russ.)